

Шэнь Гуань обмяк под ласками Цинь Ханьюаня, тихонько постанывая и отвечая на его поцелуи. Он запрокинул голову, открывая взору белоснежную шею и миловидный кадык.

Заметив, что дыхание Шэнь Гуаня стало тяжелым, Цинь Ханьюань подавил поднявшуюся в нем болезненную жажду обладания. Он отстранился, глубоко вздохнул и крепко обнял юношу.

Шэнь Гуань, воспользовавшись моментом, обмяк в его объятиях, тяжело дыша. Он недовольно зыркнул на мужчину — впрочем, этот взгляд не имел никакой силы, а из-за покрасневших уголков глаз, напоминавших лепестки персика, выглядел лишь как кокетство.

Внизу живота у Цинь Ханьюаня разлился жар. С трудом сдерживая тяжелое дыхание, он про себя принялся читать Заклинание Очищения Сердца.

— Ты это... к чему?

Шэнь Гуань снова уставился на него, надув губы, и заявил с самым невинным видом, хотя голос его звучал мягко и вкрадчиво:

— Целую тебя!

Цинь Ханьюаню стало еще тяжелее. Он боялся, что его «маленький брат» сейчас вытянется во весь рост и напугает этого безрассудного мальчишку.

— Ты называешь это поцелуем?

Шэнь Гуань вспомнил, как Цинь Ханьюань перехватил инициативу, и, разозлившись, выпрямился. Он схватил мужчину за галстук и, изображая грозный вид, спросил:

— С кем ты этому учился? Техника-то какая!

Цинь Ханьюань промолчал.

Затем он тихо рассмеялся и взъерошил волосы «разозлившемуся котенку»:

— Самоучка.

Шэнь Гуань разочарованно отбросил его галстук и поник:

— Не верю.

Такой успешный мужчина, вокруг которого вечно вьются красавицы — как он мог хранить верность? Тем более, они женаты два года, и он даже не позволял к себе прикасаться. Неужели кто-то станет ради него вести монашеский образ жизни?

При мысли об этом Шэнь Гуаню захотелось дать самому себе две пощечины за прошлую жизнь.

— Тебе не нужно этого делать. Чего ты хочешь...

— Цинь Ханьюань! Мне не нужен участок земли, мне ничего не нужно! — Шэнь Гуань с трудом выбрался из его объятий и выкрикнул: — Мне нужен ты!

Цинь Ханьюань ошеломленно смотрел на него, и в его голосе невольно проскользнула дрожь:

— Ты... ты понимаешь, что говоришь?

Шэнь Гуань упер руки в бока и сердито надулся:

— Конечно, понимаю! Раз уж поцеловал, теперь не смей отказываться от своих слов!

Цинь Ханьюань несколько раз глубоко вздохнул, внезапно поднялся и в два шага оказался перед Шэнь Гуанем.

Огромная тень накрыла юношу. Раньше Шэнь Гуань при виде такого наверняка задрожал бы от страха и попытался сбежать, но сейчас, под пристальным взглядом мужчины, он лишь смутился. Его лицо мгновенно вспыхнуло, и он отвел глаза, не решаясь смотреть на него.

— Чжэн Хуэй очень коварен. Если он получит землю, это обернется против тебя, а я не хочу, чтобы ты пострадал, — попытался он объяснить, чтобы хоть как-то ослабить давление, исходящее от Цинь Ханьюаня. — В будущем... не нужно жалеть его ради меня.

— Господин Цинь. — Цзян Линь вернулся в кабинет с чашкой кофе в руках.

Услышав голос, Шэнь Гуань резко оттолкнул Цинь Ханьюаня и машинально отступил на несколько шагов назад. Его щеки пылали, как спелые яблоки.

Цинь Ханьюань нахмурился, холодно глянул на Цзян Линя и, поджав губы, промолчал.

— Я заметил, что молодой господин Шэнь не нашел комнату отдыха, поэтому принес вам кофе.

Цзян Линь, ничуть не испугавшись его взгляда, позволил себе колкость. Шэнь Гуань вмиг забыл о смущении. Вспомнив слова о том, что решения Цинь Ханьюаня окончательны и

обжалованию не подлежат, он почувствовал тяжесть на душе и вернулся на диван.

Хм! И что толку говорить о любви!

Он высказался предельно ясно, а Цинь Ханьюань даже не осмелился дать ответ. Должно быть, он просто ждет, когда через тридцать дней сможет выставить его за дверь.

Эх, все это — заслуженная кара.

В прошлой жизни он погубил его, кто знает, что будет в этой. Может, и к лучшему, если они расстанутся — не придется портить ему жизнь.

Что ж, стоит просто насладиться последними тридцатью днями.

Если бы он знал... то поцеловал бы его подольше. Оказывается, целоваться — это довольно приятно.

В прошлой жизни, одураченный Чжэн Хуэем, он не позволял себе ничего, кроме держания за руки. Он думал, что Чжэн Хуэй просто ведет праведный образ жизни, но оказалось, тот никогда его не любил и просто не испытывал к нему влечения.

Хорошо еще, что не испытывал. Хорошо, что не было ничего большего, иначе он не знал бы, как теперь смотреть в глаза Цинь Ханьюаню.

Видя, что Шэнь Гуань приуныл, Цинь Ханьюань бросил на Цзян Линя предупреждающий взгляд:

— Подобные вещи поручай секретарю.

— Ничего страшного, мне было по пути.

— Все, возвращайся к делам.

Шэнь Гуань заметил, что тон, которым Цинь Ханьюань говорил с Цзян Линем, был не таким холодным, как с другими, и это лишь добавило горечи в его сердце.

Он коснулся губ, в которых еще сохранилось тепло, и решил отвлечься, просмотрев расписание занятий на следующую неделю. Взяв телефон, он увидел, что Тан Ван звонил ему около десяти раз.

Шэнь Гуань холодно усмехнулся, внес номер Тан Вана в черный список и удалил его.

Он не хотел больше слышать голоса этой парочки мерзавцев.

Однако... завтра нужно возвращаться в университет, и как бы ему того ни хотелось, встретиться с Тан Ваном придется. Нужно настроиться, чтобы не допустить конфликта в стенах вуза.

С расправой над ними придется повременить и все тщательно обдумать.

В этот момент телефон завибрировал. Шэнь Гуань увидел, что звонит его друг Чэн Чжоу.

— Алло.

— Шэнь Гуань! Что с тобой происходит? Почему этот подонок Тан Ван говорит, что не может с тобой связаться? — раздался громкий голос Чэн Чжоу, и Шэнь Гуань брезгливо отодвинул телефон от уха.

Чэн Чжоу был его другом детства. Они оба любили танцевать и вместе поступили в Пекинскую академию танца, только Чэн Чжоу выбрал современную хореографию, а Шэнь Гуань — классическую. Сейчас они оба были на третьем курсе.

Тан Ван учился с ними в одной группе, и с самого начала они нашли общий язык. Отец Тан Вана злоупотреблял алкоголем, семья жила бедно, и Шэнь Гуань часто помогал ему материально. Чэн Чжоу же постоянно предупреждал Шэнь Гуаня, что Тан Ван — человек ненадежный, и советовал быть начеку.

Шэнь Гуань тогда считал, что друг просто накручивает себя, и они даже несколько раз ссорились из-за этого. В конце концов Чэн Чжоу перестал вмешиваться, но по-прежнему не жаловал Тан Вана.

Раз Тан Ван обратился к Чэн Чжоу, значит, он что-то заподозрил и начал паниковать.

— Со мной все в порядке, — вздохнул Шэнь Гуань. — Чэн Чжоу, ты был прав. Тан Ван — самый настоящий подонок.

— Ого, неужели до тебя наконец дошло? — театрально воскликнул Чэн Чжоу.

— Поэтому... — Шэнь Гуань замолчал и посмотрел на Цинь Ханьюаня. Видя, что тот поглощен работой, он понизил голос: — Хочешь помочь мне проучить этого подонка?